

СОВРЕМЕННАЯ ЛѢТОПИСЬ.

«Власть Тьмы» гр. Л. Толстого.

Размышленія одного изъ зрителей.

Е. Вогюэ ¹⁾.

Когда наши современники будутъ издавать свои мемуары—а это они не преминутъ сдѣлать—навѣрное нѣкоторые изъ нихъ отмѣтятъ 10-е февраля 1888 года, какъ день, заслуживающій особеннаго вниманія. Совпаденіе, интересное для философа, происходило въ этотъ вечеръ. Въ «Eden Théâtre» возобновили знаменитую оперетку съ участіемъ двухъ извѣстныхъ приммадонъ. Это считалось событіемъ въ артистическомъ мірѣ. Въ тотъ-же вечеръ, на другомъ концѣ города, въ пустынной мѣстности, у кладбища Montparnasse, собралось двѣ-три сотни людей изъ литературной среды, чтобы услышать, «какъ будутъ трещать косточки маленькаго существа, сплюсненнаго въ лепешку». Эта небольшая группа людей была точно въ чаду, въ ожиданіи перваго представленія «Власти Тьмы» на сценѣ Théâtre Libre. Необычайное движеніе взадъ и впередъ сновавшихъ экипажей наводило мѣстныхъ жителей на мысль, ужъ не хоронятъ ли кого-нибудь ночью. Мнѣ это самому казалось. вмѣстѣ съ знатоками французской сцены, я думалъ, хотя и въ силу иныхъ мотивовъ, чѣмъ они, что пьеса будетъ погребена. На дѣлѣ мы присутствовали при полномъ ея торжествѣ. Мнѣ было немного досадно на себя за свою ошибку, но въ то-же время она доставила мнѣ большую радость. Она служила подтвержденіемъ, что я жестоко ошибался, сомнѣваясь въ чуткости французской молодежи и въ ея пониманіи произведеній, чуждыхъ нашему національному духу.

Съ нетерпѣніемъ ждалъ я отзывовъ въ прессѣ, чтобы разобратъся въ своихъ предположеніяхъ. Критика проявила нерѣ-

¹⁾ Revue des deux Mondes, 15 mars 1888.

пительность и даже были заявлены прямо противоположныя мнѣнія. Отрицать блестящій успѣхъ пьесы было невозможно, но одни видѣли въ ней гений Шекспира, другіе — обыкновенную мелодраму. Между тѣмъ, сколько матеріала для толковъ и споровъ! Цѣли автора, школа, къ которой онъ принадлежитъ, точность описываемыхъ картинъ, ихъ перевода на французскій языкъ, произведенія сходныя съ ней въ нашей литературѣ и наконецъ вопросъ: будетъ-ли имѣть успѣхъ пьеса у другого сорта публики? Эта разногласица, даже среди знатоковъ литературы, даетъ мнѣ смѣлость подѣлиться съ публикой моими наблюдениями. Можетъ быть, съ точки зрѣнія актеровъ и присяжныхъ знатоковъ сцены, я окажусь невѣжественнымъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, но да простятъ мнѣ это строгіе судьи; я же имѣю намѣреніе коснуться нѣкоторыхъ побочныхъ вопросовъ, касающихся драмы Толстого, которые занимаютъ въ данную минуту читающій и пишущій міръ.

I.

Прежде всего, выясню причины, по которымъ я былъ противъ постановки пьесы на сценѣ. Все заставляло меня думать, что эти писатели, эти театралы жестоко ошибаются, отправляясь смотрѣть пьесу съ цѣлью получить рядъ художественныхъ впечатлѣній. Они заняты вопросами чистой эстетики, и съ этой точки зрѣнія интересуются новымъ литературнымъ произведеніемъ.

Содержаніе драмы извѣстно. Толстой въ этомъ произведеніи совершенно оставилъ всякія цѣли, обыкновенно преслѣдуемыя писателями; онъ и прежде не упускалъ случая заявить о своемъ презрѣніи къ литературѣ и сожалѣніи о годахъ, потраченныхъ на этотъ, по его мнѣнію, бесполезный трудъ. Онъ стремится сдѣлаться реформаторомъ и проповѣдникомъ неясныхъ идеаловъ новаго христіанскаго ученія. Онъ стоитъ за то, что слѣдуетъ ратовать противъ мозгового переутомленія и бороться съ нимъ путемъ усиленія физическаго труда, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему преслѣдовать свои проповѣдническія цѣли. Онъ прибѣгаетъ къ различнымъ видамъ религіозно-нравственной пропаганды: пишетъ философскія разсужденія, богословскіе трактаты, рисуетъ картины народной жизни, въ видѣ коротенькихъ разсказовъ и даже сказокъ. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ подражаетъ драматическимъ средневѣковымъ «*moralités*», которыя давались съ цѣлью подѣйствовать на народное воображеніе. Напримѣръ, для борьбы съ пьянствомъ онъ пишетъ разсказъ:

пительность и даже были заявлены прямо противоположныя мнѣнія. Отрицать блестящій успѣхъ пьесы было невозможно, но одни видѣли въ ней гений Шекспира, другіе — обыкновенную мелодраму. Между тѣмъ, сколько матеріала для толковъ и споровъ! Цѣли автора, школа, къ которой онъ принадлежитъ, точность описываемыхъ картинъ, ихъ перевода на французскій языкъ, произведенія сходныя съ ней въ нашей литературѣ и наконецъ вопросъ: будетъ-ли имѣть успѣхъ пьеса у другого сорта публики? Эта разногласица, даже среди знатоковъ литературы, даетъ мнѣ смѣлость подѣлиться съ публикой моими наблюдениями. Можетъ быть, съ точки зрѣнія актеровъ и присяжныхъ знатоковъ сцены, я окажусь невѣжественнымъ въ нѣкоторыхъ частностяхъ, но да простятъ мнѣ это строгіе судьи; я же имѣю намѣреніе коснуться нѣкоторыхъ побочныхъ вопросовъ, касающихся драмы Толстого, которые занимаютъ въ данную минуту читающій и пишущій міръ.

I.

Прежде всего, выясню причины, по которымъ я былъ противъ постановки пьесы на сценѣ. Все заставляло меня думать, что эти писатели, эти театралы жестоко ошибаются, отправляясь смотрѣть пьесу съ цѣлью получить рядъ художественныхъ впечатлѣній. Они заняты вопросами чистой эстетики, и съ этой точки зрѣнія интересуются новымъ литературнымъ произведеніемъ.

Содержаніе драмы извѣстно. Толстой въ этомъ произведеніи совершенно оставилъ всякія цѣли, обыкновенно преслѣдуемыя писателями; онъ и прежде не упускалъ случая заявить о своемъ презрѣніи къ литературѣ и сожалѣніи о годахъ, потраченныхъ на этотъ, по его мнѣнію, бесполезный трудъ. Онъ стремится сдѣлаться реформаторомъ и проповѣдникомъ неясныхъ идеаловъ новаго христіанскаго ученія. Онъ стоитъ за то, что слѣдуетъ ратовать противъ мозгового переутомленія и бороться съ нимъ путемъ усиленія физическаго труда, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему преслѣдовать свои проповѣдническія цѣли. Онъ прибѣгаетъ къ различнымъ видамъ религіозно-нравственной пропаганды: пишетъ философскія разсужденія, богословскіе трактаты, рисуется картины народной жизни, въ видѣ коротенькихъ разсказовъ и даже сказокъ. Въ послѣднемъ случаѣ, онъ подражаетъ драматическимъ средневѣковымъ «*moralités*», которыя давались съ цѣлью подѣйствовать на народное воображеніе. Напримѣръ, для борьбы съ пьянствомъ онъ пишетъ разсказъ:

«Первый Винокуръ», въ которомъ много дѣтски фантастическаго, и наконецъ, въ началѣ прошлаго года, появляется драма «Власть Тьмы». Цѣль, съ которой она написана, очевидна, и къ тому же онъ не жалѣеть труда, чтобы ее разъяснить. Эта мрачная картина изъ крестьянской жизни должна показать русскому народу его низкій нравственный уровень; это печальное явленіе образовалось, съ одной стороны, въ силу невѣжества массы, съ другой— благодаря дурнымъ инстинктамъ. Драма должна напомнить ему о необходимости нравственнаго закона, а тотъ, кто отступаетъ отъ этого закона—имѣеть-де единственный путь примиренія: добровольное принесеніе себя въ качествѣ искупительной жертвы.

Очевидно, графъ Толстой писалъ свое произведеніе не для сцены. Пьеса его преслѣдуетъ чисто нравственныя цѣли. Я даже сомнѣваюсь вообще, приходила-ли ему въ голову мысль, что пьеса годится для театра, такъ какъ онъ писалъ ее для народа, а у послѣдняго своего театра совсѣмъ нѣтъ. Изданная дешевымъ изданіемъ «Власть Тьмы» произвела необыкновенную сенсацію. Ее раскупали на расхватъ, въ короткое время разошлось 60,000 экземпляровъ. Какъ и слѣдовало ожидать, она вызвала и самыя восторженныя похвалы, и ожесточенныя порицанія. Петербургская интеллигенція не хотѣла вѣрить отступничеству своего любимаго, знаменитаго писателя; она упорно желаетъ видѣть въ немъ попрежнему творца-художника, которымъ однако самъ онъ не хочетъ быть. Тогда рѣшили сдѣлать то, что мы, французы, сдѣлали теперь, а именно возникъ вопросъ: возможно ли поставить ее на сценѣ, или нѣтъ? Одно время, вопросъ былъ рѣшенъ въ положительномъ смыслѣ, и Никита долженъ былъ подвергнуться публичному покаянiю,—это невольно напоминало древнихъ, которые въ назиданіе показывали своимъ дѣтямъ пьянаго илота. Но, вслѣдствіе различныхъ причинъ, постановка пьесы была отмѣнена, и представленіе ея не состоялось. Писатели, съ своей точки зрѣнія, не особенно сожалѣли объ этомъ, такъ какъ были убѣждены, что драма, столь ужасная при чтенiи, производящая такое сильное впечатлѣніе, на театральныхъ подмосткахъ не будетъ имѣть такого значенія.

Изъ этого мы видимъ, что даже на родинѣ автора просвѣщенная публика смотрѣла на эту пьесу, какъ на вещь непригодную для сцены. Между тѣмъ, на русской сценѣ есть немало пьесъ, въ которыхъ встрѣчаются настолько грубыя картины и положенія, что во Франціи, напримѣръ, подобныя пьесы не могли-бы быть поставлены. Что-

тлѣніе болѣе яркое и непосредственное; тамъ всѣ эти ссоры и дразги боговъ кажутся комическими, неприличными и не соотвѣтствующими идеѣ божества. Однимъ словомъ, впечатлѣніе отъ нихъ теперь будетъ совершенно не то, какое имѣлъ въ виду произвести древній рапсода.

Тоже самое получается при передачѣ на нашъ языкъ русскихъ рапсодій Толстого. Когда мы видимъ на сценѣ чуждую намъ жизнь и обстановку, совершенно иные нравы,—смѣхъ, не впопадъ вырывающійся у насъ, является вѣрнымъ признакомъ того, что тутъ есть неладное и въ переводѣ, и въ пониманіи его, и неладное это неизбѣжно. Въ памятный вечеръ, развитая въ литературномъ смыслѣ публика была серьезна два первые акта. Быть можетъ, менѣе подготовленные и просвѣщенные зрители улыбнулись-бы въ нѣкоторыхъ мѣстахъ I-го акта. Но когда, въ 3-мъ актѣ, на сценѣ появляется пьяница, невозможно удержаться отъ смѣха. Для насъ, французъ, опьяненіе, въ своихъ наружныхъ проявленіяхъ, только комично, тогда какъ на Руси пьянство—бѣдствіе, одна изъ самыхъ печальныхъ сторонъ народной жизни. Впрочемъ, я слышалъ и такихъ восторженныхъ поклонниковъ Толстого, которые восхищались его умѣнемъ сохранять въ драмѣ равновѣсіе комическаго и трагическаго элементовъ. По моему мнѣнію, и я думаю, съ этимъ согласны будутъ русскіе читатели, въ пьесѣ нѣтъ ни одной комической нотки. Цѣлью автора было произвести только угнетающее впечатлѣніе, все увеличивающееся по мѣрѣ приближенія къ концу, подъ вліяніемъ состраданія къ темнымъ людямъ, ихъ ошибкамъ и роковымъ послѣдствіямъ этихъ ошибокъ. Нашъ французскій темпераментъ даже неспособенъ выносить такого сильнаго напряженія въ минорномъ тонѣ, и потому въ пониманіе пьесы мы вносимъ свое обычное добродушно веселое настроеніе.

Сомнѣніе въ игрѣ артистовъ и въ томъ, справятся-ли они удачно съ трудностями драмы, подавало новый поводъ къ сомнѣніямъ въ удачѣ. Независимо особенностей ихъ талантовъ, трудно было представить себѣ, чтобы въ манерѣ держаться на сценѣ, въ жестахъ, въ голосѣ они сумѣли выразить ту медлительность и, такъ сказать, безличіе, благочестивую важность въ торжественныя минуты, которыя свойственны были ихъ предкамъ XII-го вѣка и которыя встрѣчаемъ и теперь еще у русскихъ мужичковъ, въ этой сѣрой массѣ, отдѣльные индивидуумы которой мало способны выразить свою личность даже въ спорахъ и ссорахъ. Предположимъ, что актеры достигли такого идеальнаго воспроиз-

веденія жизненной правды; въ такомъ случаѣ, зрители могутъ остаться не довольны, потому что театръ требуетъ извѣстной иллюзи зрѣнія и слуха, при отсутствіи которыхъ впечатлѣніе опускается до нуля. Типичный актеръ, пригодный для этой драмы, показался-бы вертлявымъ поселяниномъ изъ представленія Ober-ammergau, такъ какъ драма Толстого есть, прежде всего, мистерія.

Я замѣтилъ только нѣкоторыя предположенія, вызываемыя характеромъ пьесы, не говоря ужъ о главномъ: непониманіи характеровъ и самаго значенія этой драмы. Какое впечатлѣніе вынесутъ зрители изъ того немногаго, что окажется вполне доступно ихъ пониманію? а неблагопристойныя выраженія, еще болѣе грубыя въ переводѣ, чрезмѣрные ужасы драмы!... Что предстоитъ намъ увидѣть: Аустерлицъ или Ватерлоо? Правду сказать, я держалъ пари за Ватерлоо въ то время, какъ поднимали занавѣсъ. Мнѣ представлялось, что писатели, принадлежащіе къ школѣ натуралистовъ, собрались сюда, чтобы оплакать паденіе драмы, какъ сценическаго и какъ литературнаго произведенія.

II.

И оказался Аустерлицъ. Раздалась буря аплодисментовъ, когда спустился занавѣсъ въ послѣднемъ дѣйствіи. Публика осталась въ восторгѣ отъ пьесы, и, въ теченіи четырехъ часовъ, я не замѣтилъ колебанія и переменъ въ ея настроеніи.— Оставимъ теперь въ сторонѣ основную цѣль автора, съ которой онъ напечаталъ свое произведеніе и по поводу которой я сейчасъ только что высказалъ нѣсколько соображеній. Изъ-подъ его пера вышло театральное произведеніе, доставившее намъ цѣлый міръ новыхъ идей и формъ, поскольку можно было ихъ понять въ переложеніи и примѣненіи къ нашей сценѣ. Съ этой точки зрѣнія мы будемъ обсуждать новое произведеніе графа Толстого, не заботясь болѣе о томъ, что онъ хотѣлъ имъ сказать. Какая-же сила заключается въ этихъ идеяхъ, въ этой комбинаціи фактовъ, столь простыхъ по существу, но въ призмахъ которыхъ можно было распознать гениальные лучи? Откуда-же исходитъ эта сила? Ее поискать бесполезно, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые критики ее отрицаютъ, а другіе признаютъ, но на основаніяхъ, какъ мнѣ кажется, недостаточно вѣрныхъ.

Прежде всего разберемъ случайные элементы, способствовавшіе успѣху пьесы. Однимъ изъ таковыхъ считаютъ составъ публики. Дѣй-

ствительно, зрительный залъ представлялъ собой, въ этотъ вечеръ, интересное зрѣлище: тутъ были на лицо почти всѣ представители нашей литературной арміи, въ томъ видѣ, какъ она развертывается отъ Института и до Шарантона, съ ея солидными резервами, отрядами новобранцевъ, авангардомъ и наконецъ ея неудачниками. Критика тоже присутствовала въ полномъ сборѣ; здѣсь-же можно было встрѣтить писателей всевозможныхъ лагерей, и даже такихъ, которые пришли съ очевиднымъ предубѣжденіемъ противъ пьесы. Тутъ были натуралисты, сторонники символизма, изъ партіи отсталыхъ, въ ряду послѣднихъ замѣчался предвзятый фанатизмъ. Мнѣ кажется, что если-бы поближе разсмотрѣть ярлыки этихъ разнообразныхъ лагерей, то на многихъ изъ нихъ можно было-бы увидѣть истое подобіе гіероглифовъ... Послѣдніе отличались какимъ-то мрачнымъ энтузіазмомъ. Когда я рискнулъ высказаться вслухъ противъ нѣкоторыхъ отталявающихъ моментовъ драмы, ко мнѣ подошелъ какой-то незнакомый господинъ и смѣрилъ меня презрительнымъ взглядомъ. Я уже думалъ, что онъ обзоветъ меня безъ церемоніи старымъ пиковымъ тузомъ; но онъ ограничился замѣчаніемъ такого рода: «Пьесы пишутся вѣдь недля женщинъ!» Можно было-бы доказать нелѣпость подобнаго категорическаго заявленія, но я готовъ былъ расцѣловать его за тотъ пылъ, съ которымъ оно было сказано. На что-бы мы стали похожи, еслибы въ 20 лѣтъ не увлекались до глупостей? Часть публики состояла изъ молодыхъ людей, не принадлежащихъ открыто ни къ одной партіи. Это была серьезная молодежь, рано созрѣвшая подъ вліяніемъ умственныхъ занятій и знакомства съ иностранной литературой—очень интересные представители молодого поколѣнія. Правильно понять этотъ типъ довольно трудно, потому что они своеобразны и не походятъ ни на одно изъ предшествовавшихъ поколѣній. Это, по моему мнѣнію, будущіе руководители умственной жизни Франціи. Они вообще мало посѣщаютъ театръ и совершенно равнодушны къ современному репертуару. Въ своихъ сужденіяхъ они проявляютъ совершенно назависимый образъ мыслей. Эта публика слушала драму Толстого сначала съ любопытствомъ, а затѣмъ съ возрастающимъ интересомъ, очевидно, мало по малу, поддаваясь обаянію той силы, которая подчиняетъ толпу, какъ одного человѣка.

Игра артистовъ много способствовала такому блестящему успѣху; они играли умно, съ пониманіемъ, и потому «мало играли». Г. Антуанъ передалъ достаточно живо и рельефно невозможно трудную роль старика Акима. Немного пересолить—и роль поте-

ряла-бы свою естественную простоту; легко было впасть въ шаржъ, и тогда характеръ ея остался-бы непонятнымъ для зрителей. Что-же касается женскихъ ролей, то артистки достаточно усвоили себѣ равнодушіе и пассивное подчиненіе судьбѣ, какое именно есть у русскихъ бабъ. Нѣкоторые изъ актеровъ, и не изъ тѣхъ даже, которые имѣли наибольшій успѣхъ, казалось, поняли, что истинныя дѣйствующія лица драмы не люди, а темныя невидимыя, роковыя силы, какъ: судьба зло, справедливость, что люди должны подчинить безпрекословно ихъ могуществу свою индивидуальность, свои чувства и стремленія. Люди дѣйствуютъ, какъ автоматы, подъ наплывомъ страстей, и являются рабами этихъ страстей и въ то же время рабами высшей воли. Вся постановка пьесы безукоризненна до мелочей. Въ первый разъ на французской сценѣ актеры являются въ будничной одеждѣ, приспособленной къ потребностямъ рабочей крестьянской семьи, безъ всякихъ прикрасъ, обыкновенно нераздѣльныхъ съ театральной атмосферой.

Что касается до перевода, то онъ былъ сдѣланъ насколько возможно хорошо. Я уже говорилъ раньше, что идеальный или даже удовлетворительный переводъ «Власти Тьмы» почти невозможенъ. У меня въ рукахъ было нѣсколько переводовъ. Не стану сравнивать ихъ достоинствъ или недостатковъ, потому что это вопросы довольно щекотливаго свойства.

Всѣ единодушно высказались за то, почему-бы, вмѣсто ужасной сцены 4-го акта, не поставить ея варианта. На нашихъ глазахъ происходитъ убійство новорожденнаго, его хоронятъ въ погребѣ, особенно отчеканивая сцену, когда косточки трещатъ. Все это дѣлается съ маленькимъ манекеномъ, при содѣйствіи лопаты и потайнаго фонаря. Во всей драмѣ это единственное мѣсто, напоминающее эффекты излюбленныхъ драмъ театра *Ambigu*. Если-бы не существовало варианта, тогда это объяснялось-бы уваженіемъ къ волѣ писателя изложить эту сцену такъ, а не иначе; но какія-же могутъ быть колебанія въ этомъ направленіи, когда самъ авторъ предлагаетъ намъ вариантъ античной красоты, вполне соответствующій лучшимъ традиціямъ нашего вкуса — «разказъ Терамены», который производитъ болѣе сильное впечатлѣніе, чѣмъ сама дѣйствительность, и возбуждаетъ ужасъ, проникающій въ душу, не поражая зрѣнія. По варианту мы не видимъ самаго мѣста совершенія преступления; мы узнаемъ о немъ изъ разговоровъ маленькой дѣвочки, запертой на ночь въ избѣ со старикомъ работникомъ. Ребенокъ

жметя къ нему съ чувствомъ неопредѣленнаго ужаса; дѣтская чуткость подсказываетъ ей, что тамъ, во дворѣ, происходитъ что-то ужасное. Она пристаётъ къ нему съ вопросами, потому что со двора долетаетъ шумъ, слышно, какъ копаютъ землю въ погребѣ, слышна отрывистая брань и ссора и время отъ времени раздаётся слабый крикъ маленькаго существа. Дѣвочка, мало-по-малу, догадывается объ истинѣ и замираетъ отъ страха, а старый солдатъ работникъ, понимая самъ, что неладное и страшное дѣло творится среди ночного мрака, старается ее отвлечь отъ ужасныхъ догадокъ то сказками, то пугаетъ дѣдомъ, что маленькихъ дѣтей угощаетъ березовой кашей; но дѣвочкѣ нельзя заговорить зубы, когда она слышитъ безпомощный пискъ, паденіе земли, звукъ заступа. Она вслухъ передаетъ свои впечатлѣнія старому Митричу, сначала только подозрѣваетъ, а затѣмъ, увѣрившись въ справедливости своей догадки, мало-по-малу, освѣщаетъ всю картину мрачнаго злодѣянія. Если только эта превосходная сцена будетъ удовлетворительно сыграна, всѣ убѣдятся въ ея необычайной силѣ по тому огромному впечатлѣнію, которое она несомнѣнно произведетъ.

Я позволю себѣ привести здѣсь одно критическое замѣчаніе. Зрители были обмануты искаженіемъ заключительной сцены: исключили всенародное покаяніе преступника, на которомъ авторъ сосредоточиваетъ всю мораль пьесы; роль Акима сократили въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ убѣждаетъ сына повиниться передъ народомъ въ своихъ винахъ и задерживаетъ вмѣшательство урядника, чтобъ дать совершиться Божьему дѣлу. По мнѣнію приверженцевъ натурализма, которые причисляютъ драму къ своей школѣ, недобросовѣстно было бы урѣзать въ текстѣ хотя-бы малость; подобное же отступленіе кажется имъ святотатствомъ.

Сдѣлавъ эту оговорку, мнѣ легче отвѣчать на возраженія, которыя я долженъ имѣть въ виду. Одни говорятъ: это обыкновенная мелодрама; наша національная драма давнымъ давно воспользовалась всѣми подобными положеніями, и несосчитать, сколько драмъ написано въ такомъ родѣ. Еще-бы, я думаю! Но я-бы желалъ найти хоть одно произведеніе, которое-бы могло избѣгнуть подобнаго упрека. Что-же такое мелодрама, какъ не попытка воспользоваться всѣми средствами,—за исключеніемъ рѣдко кому доступной гениальности,—находящимися въ распоряженіи драматурговъ, во всѣ времена, для возбужденія въ зрителяхъ чувства ужаса и жалости. Если принимать во вниманіе только внѣшнія пружины и построеніе пьесы, «Орестейя»—мелодрама, точно также какъ «Прикован-

ный Прометей» — блестящая феерія. «Гамлетъ», «Отелло», «Макбетъ» и «Король Лиръ» — то-же вѣдь мелодрамы. Наконецъ, мелодрамами можно назвать пьесы всѣхъ школъ и временъ, въ которыхъ изображенія страстей очень сильно дѣйствуютъ на нервы публики. Желаніе непременно подновить эти перипетіи или же выдумать такія, которыми предшествующіе драматурги еще не пользовались, было-бы странной претензіей. Какъ-бы ни былъ изобрѣтателемъ поэтъ въ придумываніи потрясающихъ впечатлѣній, какія производитъ страданіе, но все же онъ располагаетъ лишь ограниченнымъ числомъ комбинацій, и всѣ онѣ были болѣе или менѣе испробованы на сценѣ этими терпѣливыми чудаками, которые находятъ удовольствіе любоваться своими страданіями? Не трудно также опровергнуть упрекъ: «это молъ было уже», «это мы видѣли». Въ музеяхъ и въ церквахъ Европы находятся тысячи изображеній «Снятія со Креста»; на этихъ картинахъ воспроизведенъ одинъ и тотъ-же сюжетъ, съ одними и тѣми-же дѣйствующими лицами и положеніями. Подъ нѣкоторыми изъ этихъ картинъ находятся подписи: Рубенса, Рембрандта, Тиціана и Тинторетто, и только однѣ эти картины извѣстны всѣмъ. Чѣмъ-же онѣ отличаются такъ рѣзко отъ всѣхъ остальныхъ? Иногда только выраженіемъ лицъ, блескомъ красокъ, яркостью освѣщенія. Если подобнаго рода освѣщеніе мы встрѣчаемъ въ картинахъ, написанныхъ Толстымъ, старое и давно извѣстное содержаніе кажется намъ новымъ.

Можно-ли понимать мелодраму, какъ форму, содержащую такіе грубые ужасные эффекты, что искусству нѣтъ тутъ болѣе мѣста — до того въ нихъ преувеличенъ элементъ ужаснаго. Но кто-же въ состояніи провести границу, въ предѣлахъ которой это ужасное можетъ быть допущено въ художественномъ произведеніи, не нарушая чувства мѣры? Я не говорю уже о романтической драмѣ, обильной такими ужасами, передъ которыми блѣднѣютъ яркія краски русской драмы. Возьмемъ для примѣра такъ называемый классическій репертуаръ и изъ этого репертуара выберемъ пьесы, отличающіяся наиболѣе тонкимъ и приличнымъ изображеніемъ положеній, напр., «Семирамида» Вольтера. Что вы скажете объ Ниніасѣ, выбѣгающемъ изъ гробницы своего отца, съ окровавленными руками, съ стоящими дыбомъ волосами, потому что онъ только что зарѣзалъ свою мать? Почему мы относимся снисходительно къ подобному ужасу? Потому только развѣ, что у поэта не хватило гениальности инымъ образомъ навести истинный ужасъ на зрителя? Нельзя-же за это пѣть ему диаврамбы. Вспомнимъ еще одно

мѣсто, полное истиннаго трагизма у Вольтера, въ его трагедіи «L'Orestie»; Орестъ преслѣдуетъ свою мать съ оружіемъ въ рукѣ, на трупѣ Эгиста. И это еще не самыя ужасныя мѣста въ томъ длинномъ перечнѣ потрясающихъ эфффектовъ, изъ котораго прежніе поэты черпали вдохновеніе для своихъ произведеній. Мы знаемъ и другіе аналогическіе образы, напр., отца, сидящаго за столомъ, уставленнымъ яствами, приготовленными изъ мяса и внутренностей его собственныхъ дѣтей. Привычка притупила въ насъ чувствительность къ подобнаго рода картинамъ. Пусть воображеніе нарисуетъ намъ, что должны были испытывать зрители, передъ которыми впервые давали драму съ такого рода содержаніемъ. Я увѣренъ, что если мы сравнимъ исторію семьи мужика Петра съ исторіей Атридовъ; то первая не представитъ ничего поражающаго. Но мы можемъ на это возразить, что тамъ дѣло идетъ о принцахъ и короляхъ, во времена давно минувшія, слишкомъ высоко поставленныхъ сравнительно съ простыми смертными, и что это обстоятельство уменьшало яркость красокъ. Здѣсь-же, наоборотъ, дѣйствующія лица—крестьяне, чуть не съ предѣловъ Азіи, стоящіе по своему положенію и развитію гораздо ниже нашей публики, — эффектъ отдаленности событій является тѣмъ-же, только по другимъ причинамъ. А въ сущности чѣмъ особенно отличается Агамемнонъ, этотъ пастушескій царь, отъ поселянина Акима, по степени образованія и понятій?

Зачѣмъ мы будемъ отыскивать извиненія жестокому и въ то-же время божественному Эхилу? Послушаемъ Дидро, какъ онъ высказывается въ одномъ изъ своихъ «парадоксовъ». Каждая строчка этого мѣста точно нарочно написана для разбираемой нами драмы: «Я отвѣчу вамъ, что надо быть послѣдовательными, и что если вы возстаєте противъ подобнаго зрѣлища, то нельзя терпѣть, чтобы Одиссъ появлялся на сцену съ выколотыми глазами, нужно прогнать со сцены Филоктета, страдающаго отъ раны и выражающаго свою боль безсвязными криками. Мне кажется, что древніе имѣли иное понятіе о драмѣ, чѣмъ мы; и эти древніе были греки, афиняне, народъ столь изящный, что образцы искусства, оставленные ими, не нашли ни въ одной націи себѣ подобныхъ. Не для того Эхиль, Софокль и Эврипидъ цѣлые годы работали надъ своими произведеніями, чтобы оставить въ зрителяхъ лишь мимолетное впечатлѣніе, которое готово исчезнуть подъ вліяніемъ хорошаго ужина въ веселой компаніи. Они хотѣли вызвать къ публикѣ чувство страданія за несчастную судьбу своихъ героев. Ихъ цѣль

заключалась не въ томъ только, чтобы развлекать своихъ согражданъ эффектными зрѣлищами, но чтобы дѣлать ихъ нравственно лучшими людьми... Въ то-же время эти великіе писатели имѣли настолько здраваго смысла, что имъ нечего было прибѣгать къ сценическимъ эффектамъ съ пущеннымъ въ ходъ орудіемъ, различными неожиданными и чудесными пассажами, которые способны заинтересовать развѣ однихъ дѣтей».

Слышались еще такого рода замѣчанія: или эта отвратительная семья представляетъ точный сколокъ съ русскаго народа, и въ такомъ случаѣ доводы разсудка и приличія не должны-бы были допустить писателя рисовать ее въ такомъ видѣ, или же она представляетъ собою исключеніе, и тогда Толстой грѣшитъ противъ истины и противъ правилъ искусства, которое не должно пользоваться исключеніями, да къ тому-же онъ еще и клевететь на свой родной народъ. Могу смѣло завѣрить друзей Россіи, принимающихъ близко къ сердцу этотъ вопросъ: я жилъ среди простаго русскаго народа и мнѣ ни разу не приходилось слышать о подобномъ накопленіи преступленій. Тамъ точно такъ-же, какъ и у насъ, такіе чудовищные факты возможны, но они представляютъ единичные случаи и встрѣчаются чрезвычайно рѣдко. Толстой преувеличенно смотритъ на возможность частаго повторенія подобныхъ явленій. Этотъ современный Іезекиль руководствуется въ своихъ воззрѣніяхъ на окружающій міръ точкой зрѣнія реформатора; онъ окрашиваетъ въ слишкомъ черныя краски то, что предстоитъ ему пересоздать и усовершенствовать. И такъ, сюжетъ «Власти Тьмы» является исключительнымъ, изъ-ряду вонъ случаемъ. Если это такъ, то протокольная, такъ сказать, правда теряетъ все, что выигрываетъ нравственная. Если мы возьмемъ сотню трагедій, драмъ или мелодрамъ, и просмотримъ ихъ всѣ, какъ древнія, такъ и современныя, то увидимъ, что по крайней мѣрѣ 80 изъ нихъ оканчиваются убійствомъ. въ той или иной формѣ: дуэли, рѣзвѣ, отравленіи или самоубійствѣ. Въ принципѣ можно установить, что всѣ почти страсти, видимыя нами въ пьесахъ классическаго или современнаго репертуара, приводятся въ движеніе подъ вліяніемъ угнетенія человѣческой жизни. А это угнетеніе, въ свою очередь, приводитъ къ фатальному концу. Между тѣмъ, ни у одного изъ тысячи смѣняющихся зрителей, вѣроятно, не найдется на совѣсти убійства ближняго. Театръ живетъ исключеніями, да иначе это и быть не можетъ. Если-бы намъ невозможно было получать отъ театра тѣхъ сильныхъ ощущеній, которыхъ въ обыденной жизни почти не бываетъ, мы, вѣроятно,

перестали бы ходить въ театрѣ. Дома гораздо удобнѣе слѣдить за ходомъ монотонной сѣренькой жизни, изучать людей и ихъ привычки въ будничной обстановкѣ. Если-бы у насъ явилась фантазія видѣть на сценѣ идиллію, опять она была-бы исключеніемъ, насколько поэзія любви и совершеннаго счастья далека отъ будничной житейской прозы. Мы идемъ въ театрѣ съ цѣлью получить сильныя ощущенія для ума и воображенія, выйти изъ рамокъ заурядной жизни, все равно какъ физически дѣлаемъ гимнастику, чтобы дать нашему организму рядъ необычайныхъ движеній, освѣжающихъ и укрѣпляющихъ его. Тѣ, кто выбираетъ сюжетомъ для своихъ произведеній факты исключительные, какъ въ данномъ случаѣ дѣлаетъ Толстой, нисколько не грѣшатъ противъ основныхъ законовъ искусства, о которомъ, впрочемъ, самъ Толстой заботится такъ мало. Они слѣдуютъ лишь самому естественному и древнѣйшему изъ этихъ законовъ, который Дидро называетъ «протоколомъ трехъ тысячелѣтій». Изъ этого видно, какъ ошибочно судить о нравахъ и образѣ жизни народа по театральнымъ пьесамъ. Въ подобную ошибку впадаютъ иностранцы, составляя себѣ понятіе о французскомъ обществѣ по современнымъ комедіямъ, сюжетъ которыхъ исключительно вертится на измѣнѣ мужа или жены.

Теперь я перейду къ обсужденію одного мнѣнія, высказаннаго многими журналистами; я читалъ его и глазамъ своимъ не вѣрилъ: они приравниваютъ «Власть Тьмы» къ роману Золя «La Terre» и находятъ между ними большую аналогію. Возможно-ли, чтобы люди, понимающіе въ вопросахъ литературы, вводились въ заблужденіе сходствомъ сюжета, совершенно упуская изъ виду огромную разницу въ цѣляхъ и приемахъ авторовъ. Я скорѣе повялъ-бы параллель между Толстымъ и Жоржъ Зандъ. Бя крестьяне, по характеру, мистики и социалисты, имѣютъ хотя нѣкоторое сходство съ Акимомъ, но во всей исторіи Ругоновъ мы не найдемъ ни одного лица, подходящаго къ этому типу. Гдѣ вы видите въ этой драмѣ обычные приемы Эмиля Золя? Неужели сцены, въ которыхъ появляются пьяные, могли дать къ этому поводъ; возьмемъ наиболѣе характерную изъ нихъ—монологъ работника въ пятомъ актѣ. Его душевное состояніе передается не одной внѣшней грубостью и поговорками, а той странной внутренней работой мысли, которую такъ вѣрно выразилъ Толстой, когда среди безсвязныхъ рѣчей, мы слышимъ глубоко захватывающую васъ ноту, въ которой какъ-бы сказывается мучительная дума пьянаго философа. Одинъ докторъ выражалъ намъ свое восхищеніе чрезвычайной точностью вос-

произведенія логики алкоголиковъ. Оставимъ въ сторонѣ приемы, какъ вопросъ второстепенный, и перейдемъ къ самому замыслу, который одинъ придаетъ истинный характеръ произведенію и то освѣщеніе, о которомъ мы говорили выше. Золя описываетъ болѣзни духа и тѣла изъ любви къ искусству. Его эстетика согласуется съ его взглядами на творчество; онъ первый обвинилъ-бы насъ въ непониманіи его, если-бы мы стали искать у него нравственной тенденціи. Толстой, описывая тѣ-же самыя большыя стороны человѣческой жизни и души, занятъ отысканіемъ средствъ къ ихъ уврачеванію. Удастся-ли ему найти ихъ, или нѣтъ, это другой вопросъ; но все дѣйствіе его драмы направлено теперь къ этой цѣли. Прибавьте—въ этомъ-то и состоитъ громадное между ними различіе, что ему удастся передать съ отгнѣнками цѣломудрія тотъ бессознательный цинизмъ, въ который впадаютъ его дѣйствующія лица. Тѣ картины разврата, которыя онъ намъ рисуетъ, и способъ ихъ изображенія не внушаютъ намъ отвращенія, и въ то-же время ни на одну минуту не волнуютъ воображенія въ чувственномъ смыслѣ. Восковыя фигуры въ музеяхъ, которыя показываютъ юношамъ, подчасъ имѣютъ сходство съ анатомическими предметами, надъ которыми работаетъ хирургъ: кто-же рѣшится когда-нибудь сравнивать два рода вещей, столь несходныхъ между собою!

Натуралисты вообразили, что произведеніе русскаго писателя принадлежитъ къ ихъ школѣ; имъ повѣрили на-слово. Если я стараюсь разсѣять это заблужденіе, то, конечно, не съ цѣлью унижить талантъ Золя: банальныя нападки на этого писателя часто представляютъ ничто иное, какъ подлаживанье къ буржуазному лицемѣрью. Продолжая развивать свою мысль, я еще буду имѣть случай отдать ему полную справедливость. Но не нужно выдумывать ложныхъ аналогій для объясненія того успѣха, который имѣла драма Толстого. Не слѣдуетъ искать этихъ аналогій ни въ новѣйшихъ реальныхъ школахъ, ни тѣмъ болѣе у Шекспира, имя котораго, употребленное восторженными поклонниками пьесы, въ данномъ случаѣ, рѣшительно ни причемъ; скорѣе мы можемъ найти это сходство въ классическомъ театрѣ, у самаго стараго и суроваго драматурга-философа, у Эсхила. Я думаю, что это сближеніе, подмѣченное нами, и объясняетъ тотъ глубокой и продолжительный интересъ, который возбудила «Власть Тьмы» въ зрителяхъ въ вечеръ 10 февраля.

III.

Только что высказанныя мною соображенія могутъ быть поняты не такъ и даже показаться странными, если нѣсколько преувеличить основную мысль; поэтому заранѣе сдѣлаю оговорку. Да не подумаютъ читатели, чтобы я сравнивалъ достоинство древняго греческаго трагика съ современнымъ русскимъ писателемъ. Подобное сравненіе было-бы ребяческимъ, какъ и вообще всѣ споры о томъ: кто выше, древніе или новые писатели. Тѣмъ, кто станетъ заниматься разрѣшеніемъ подобныхъ вопросовъ, недостаточно извѣстны міровые законы. Созданіе искусства, если оно жизненно, такой-же организмъ, какъ и прочіе; съ теченіемъ времени онъ развивается, растетъ и приноситъ плоды. Нѣтъ общаго мѣрила между старикомъ и ребенкомъ, даже еслибы послѣдній выросъ и переросъ перваго, какъ нѣтъ его между дубовымъ отросткомъ и трехсотлѣтнимъ великолѣпнымъ деревомъ, защищающимъ его своей тѣнью. Два желудя, изъ которыхъ они образовались, быть можетъ, имѣли въ зародышѣ одинаковую силу живучести, но ничто не можетъ замѣнить работы вѣковъ. Въ теченіи ихъ, старое дерево всосало въ себя лучшіе соки оруджающей почвы и они во сто разъ увеличили его первоначальную силу. Тоже самое мы видимъ и въ произведеніи искусства: жизнь его тѣсно связана съ нашимъ ростомъ, идеями, чувствами и фантазіей. Каждое проходящее поколѣніе обогащаетъ листву и сердцевину гиганта. Возможно ли это для молодого побѣга? Да, если и онъ будетъ продолжать жить. Но какъ велика окажется продолжительность его жизни?— Мы этого не знаемъ. Намъ извѣстно лишь одно: нѣтъ ничего не измѣняющагося въ природѣ, начиная съ перваго дня мірозданія. Законамъ движенія, роста и упадка подчинено все существующее на землѣ какъ въ мірѣ интеллектуальномъ, такъ и въ физическомъ. Такимъ образомъ, невозможно сравнивать достоинствъ, измѣняющихся съ продолжительностью времени. Но духъ и тенденціи доступны сравненію; напр. въ растительномъ царствѣ, по строенію первыхъ распускающихся листьевъ, можно опредѣлить, что это растеніе принадлежитъ къ семейству дуба, а не осины, или ивы.

Толстой, если можно такъ выразиться, принадлежитъ къ семейству Эсхила. У него меньше красоты стила: тоже тѣло, но безъ крыльевъ. Не будемъ останавливаться на этомъ недостаткѣ, взглянемъ поближе въ мысль и самыя приемы автора. У этого

грека и у этого русскаго таже простота и та-же глубина въ представленіи себѣ людей и фактовъ. Какъ вчера говорилъ одинъ критикъ о другомъ великомъ трагикѣ: окружающій міръ воспринимается ими въ его общихъ и вѣчныхъ чертахъ. И тотъ, и другой одарены инстинктивною чуткостью генія, который ограничивается тѣмъ, что показываетъ намъ характеръ и страсти въ ихъ зародышѣ, короткими намеками, такъ что мы отсюда уже можемъ пополнить силу его своимъ воображеніемъ. Талантливый писатель развиваетъ эти характеры и страсти въ ихъ безконечно разнообразныхъ отдѣнкахъ, но такъ какъ ихъ развитіе обусловлено индивидуальностью каждаго отдѣльнаго лица и обстоятельствами жизни, то онъ встрѣчаетъ въ любой группѣ людей множество противорѣчій и отрицаній. Геніальный писатель приводитъ все это въ одно гармоническое цѣлое, потому что онъ показываетъ намъ все въ томъ общемъ изначальномъ фокусѣ, гдѣ мы безъ труда распознаемъ другъ друга. Крестьяне Толстого только наброски карандашемъ, но сдѣланные въ такихъ вѣрныхъ, полныхъ жизни чертахъ, что мы тотчасъ-же прибавляемъ къ нимъ краски, нѣкоторыя частности, частности нашего быта, и готовы воскликнуть: «это человѣкъ, это я!» Наконецъ, у того и у другого поэта тоже признаніе въ основѣ вещей міровой тайны: люди не болѣе какъ преходящія тѣни, отражающіяся на міровомъ экранѣ и приводимыя въ движеніе скрытыми силами,—роковаго или божественнаго начала. Драматическое дѣйствіе лишь иллюстрируетъ, такъ сказать, мрачныя истины, которыя являются господствующими во всей исторіи нашей расы,— истины, встрѣчающіяся намъ во всѣхъ круговоротахъ жизни, или мысли, даже когда мы пытаемся обойти или отрицать ихъ: женщина, какъ первоначальный источникъ всякаго зла, вѣчная слабость передъ нею мужчины, отвратительное размноженіе перваго грѣха *) и наконецъ единый путь искупленія всякаго грѣха—путь покаянія. Мораль Толстого, какъ и большинства русскихъ писателей, заключается въ слѣдующихъ двухъ чудныхъ словахъ Эсхила: страданіе примиряетъ.

Я только намѣтилъ нѣкоторую аналогію; всякій воленъ провѣрить ее и прибавить отъ себя болѣе подробныя черты. Мнѣ хотѣлось-бы сдѣлать изъ нея выводъ: театръ, понимаемый такимъ

*) *Orestie, Agamemnon*: «Да, старый грѣхъ нарождаетъ обыкновенно новый у слабыхъ смертныхъ, а новый ведетъ за собой слѣдующій. Мракъ есть непобѣдимый сообщникъ всѣхъ преступленій». Это и есть *тѣма*, праматерь грѣха и заглавіе драмы Толстого.

образомъ, отвѣчаетъ новымъ потребностямъ избранной части молодыхъ поколѣній. Не говорю объ ихъ пресловутой фантази: о жизненной правдѣ на сценѣ,—пусть они гоняются за этимъ неосуществимымъ миражемъ въ области воображенія и изобрѣтательности. Самое большее, если жизненная правда на сценѣ скажется въ описаніи характеровъ и въ языкѣ, хотя обоимъ этимъ элементамъ надо придать жизни, сообразно требованію зрѣнія и слуха. Попросту говоря, удовлетворимся простотой, той величавой простотой, которая чаруетъ насъ въ романахъ Толстого и которой отличается его драма. Ей-то именно аплодировали въ этотъ вечеръ тѣ, кто искалъ эстетическаго наслажденія. Но я увѣренъ, что большая часть публики была увлечена тѣмъ бессознательнымъ, но высокимъ нравственнымъ порывомъ, который авторъ раскрылъ передъ нею. Публика вѣдь такъ странна и измѣнчива! Большая часть толпы идетъ въ театръ для развлеченія, увидать какое-нибудь забавное или интересное зрѣлище, но она носитъ въ себѣ мысли и чувства, находящіяся въ бездѣйствіи въ обыкновенное время; люди даже не замѣчаютъ за житейскими мелочами присутствія ихъ въ своемъ мозгу. Но вотъ поэтъ затронулъ эти невидимыя струны, развернулъ предъ нами великую и всегда близкую сердцу драму человѣческой души,—каждый зритель невольно чувствуетъ, что съ этого момента начинается трагедія, и тогда сцена приковываетъ къ себѣ все его существо. Въ ней онъ можетъ быть и актеромъ, и жертвой. Древніе греки такъ и понимали драму. Ихъ театръ не можетъ теперь согласоваться съ нашими привычками: онъ предполагаетъ предварительное знакомство съ миеологической канвой, а хоры сбили-бы насъ съ толку и замедляли-бы ходъ дѣйствія. Если-бы не эти чисто внѣшнія неудобства, я полагаю, греческій театръ имѣлъ-бы успѣхъ и въ наше время. Если-бы какой-нибудь современный директоръ театра вздумалъ поставить «Прикованнаго Прометея», да еще съ музыкой и со всѣми новѣйшими сценическими приспособленіями—онъ возбудилъ-бы въ обществѣ интересъ, и во всякомъ случаѣ, привлекъ-бы на нѣсколько представленій избранную и понимающую публику. Это были-бы тѣ же зрители которые стремились видѣть «Власть Тьмы», молодые писатели, народившіеся подъ вліяніемъ новыхъ запросовъ жизни; я хотѣлъ-бы опредѣлить ихъ болѣе подробно, но это уже касается общихъ вопросовъ литературы, куда, конечно, входитъ и театръ.

У этого новаго поколѣнія рано образовалось философское мышленіе. Представители его начали жить и думать въ ту эпоху, когда

были сдѣланы великія научныя открытія, благодаря спеціальнымъ сочиненіямъ и усовершенствованію по части техническаго приложенія новыхъ открытій и познаній, измѣнившихъ условій мысли и жизни. Сумма новыхъ идей, сгруппированныхъ болѣе или менѣе произвольно около имени Дарвина, проникла въ умы съ необычайной силой. Она-то кореннымъ образомъ измѣнила и теорію, и практику жизни. Мы чувствуемъ ее въ воздухѣ. Она охватываетъ даже тѣхъ, кто не читалъ ни одной страницы по этому предмету. Новые понятія о жизни замѣтно измѣнили взаимныя отношенія людей, или по крайней мѣрѣ придали разумность и опредѣленность тому, что было прежде продуктомъ инстинкта. Они опредѣляютъ большую часть нашихъ понятій и произведеній въ политикѣ, въ социальной экономіи, въ юриспруденціи и въ исторіи. Философъ и купецъ, инженеръ и докторъ—всѣ стоятъ за Дарвина, хотя они не знаютъ даже его имени. Сухія и отвлеченныя въ пониманіи ученаго, эти идеи принимаютъ болѣе рельефную пластическую форму, когда онѣ попадаютъ въ головы людей съ менѣе спеціальной культурой и живущихъ больше воображеніемъ. Большинство нашихъ современниковъ возвращается къ міровоззрѣнію древнихъ греческихъ школъ временъ Эпикура. Вселенная представляется ихъ умственному взору въ видѣ громаднаго механизма, вращающагося непроизвольно на своей желѣзной оси; въ силу естественныхъ законовъ природы, происходитъ непрерывная борьба атомовъ, при чемъ сила богатства и наслажденія раздавливаетъ безошадно слабость, нищету и страданіе. Нѣкоторыя изъ научныхъ истинъ проникаютъ даже въ толпу. Возьмемъ, на примѣръ, гипотезу о микробахъ, которая занимаетъ воображеніе всѣхъ жителей при появленіи какой-либо эпидеміи. Для толпы это ничто иное, какъ невидимая сила, вредная, распространенная въ воздухѣ и въ водѣ, которая осаждастъ человѣка со всѣхъ сторонъ. Отсюда до олицетворенія этихъ силъ природы, до созданія міеологіи элементовъ—одинъ шагъ. Быть можетъ, онъ и будетъ когда-нибудь сдѣланъ.

Между тѣмъ какъ наша демократія слагалась и разсуждала примѣнительно къ законамъ, возвѣщеннымъ новой наукой, образъ ея обрисовался въ томъ зеркалѣ, которое литература представляла обществу. Случилось, что въ это время, именно въ рукахъ г. Золя, оказалось наиболѣе широкое и вѣрное зеркало. Въ немъ отразился этотъ образъ—не въ тѣхъ частяхъ его произведеній, гдѣ онъ громогласно говоритъ о научныхъ методахъ, наслѣдственности, непреодолимыхъ инстинктахъ, но въ тѣхъ-же безсозна-

тельно созданныхъ мѣстахъ его произведеній, гдѣ онъ становится эпическимъ поэтомъ и передаетъ, въ событіяхъ и лицахъ, современный взглядъ на міръ и жизнь. Я думаю, что имя его будетъ стоять во главѣ литературнаго движенія за послѣднія 20 лѣтъ, какъ всегда преобладаетъ имя писателя, которому удалось воплотить философскія идеи своего вѣка въ созданіи фантазій...

Міросозерцаніе, заключающее въ себѣ такъ много истины, конечно, способно поразить насъ. Одно время, оно преобладало надъ всѣми. Потомъ было замѣчено, что міросозерцаніе это не полно, слѣдовательно и не устойчиво, если въ немъ не будетъ исправлено то, что есть въ немъ черезчуръ абсолютнаго. Оно вмѣняетъ человѣку въ обязанность во всемъ согласоваться съ законами природы, между тѣмъ какъ онъ чувствуетъ себя призваннымъ на борьбу съ этими законами, во имя извѣстныхъ отвлеченныхъ принциповъ права, милосердія, морали. Оно не мирится съ той небольшою долей свободы и ничтожной силой противодѣйствія, которыя человѣкъ констатируетъ въ своихъ даже ничтожныхъ поступкахъ. Какъ тутъ примирить необходимость этой отиѣны, при столь строго выраженныхъ законахъ, какимъ образомъ отвести долю участія строгой логикѣ—это дѣло метафизиковъ будущаго. У кого-же въ рукахъ послѣднее слово логики?—Но, въ ежедневномъ обычномъ ряду своихъ поступковъ и разсужденій, человѣкъ, вполнѣ преклоняясь предъ неизмѣннымъ закономъ природы, не выноситъ такого ужъ совершеннаго исключенія въ немъ всего, что онъ считалъ лучшимъ и сильнѣйшимъ. Поставленный между двумя столь очевидными истинами, онъ не хочетъ ни той, ни другой пожертвовать требованіямъ логики и предпочитаетъ скорѣе принести въ жертву послѣднюю.

И такъ, чтобы удовлетворить требованіямъ этихъ чувствъ, въ литературѣ должна была произойти реакція. Имѣя дѣло съ предубѣжденными умами, она могла имѣть успѣхъ, лишь выбросивъ за бортъ догматическій спиритуализмъ, который отказывался примириться съ господствующею доктриной. Реакція должна была сначала ограничиться тѣмъ, что подбавила нѣсколько свободы и нравственныхъ благъ въ колеса слѣпое и тяжелое механизма съ оборванными парусами. Единственный возможный по отношенію къ логикѣ компромиссъ долженъ былъ состоять въ признаніи, въ предѣлахъ вѣчности, какой-нибудь общей управляющей руки, руки верховнаго примирителя между законами природы и человѣческой свободой. Симптомовъ реакціи очень много;

наиболѣе яркій изъ нихъ—это увеличивающійся успѣхъ русскихъ писателей, появившихся, въ послѣднее время, на нашемъ горизонтѣ. Предъ лицомъ материалистическаго принципа, подъ вліяніемъ котораго мы находимся и который съ такимъ блескомъ выразился въ произведеніяхъ Эмиля Золя, они подняли свой принципъ—нравственный и мистическій. Принципъ этотъ въ ихъ книгахъ столкнулся съ нашимъ раціоналистическимъ пониманіемъ вселенной, которое уже имъ знакомо; и потому, эти книги отвѣчаютъ двумъ противоположнымъ потребностямъ. Онѣ заключаютъ въ себѣ самую древнюю и самую потрясающую драму, которая занимаетъ человѣка съ тѣхъ поръ, какъ онъ началъ мыслить: это антагонизмъ между совѣстью и роковымъ давленіемъ судьбы.

Острое дѣйствіе этой-то именно драмы мы и хотѣли-бы почаще испытывать въ театрѣ. Несмотря на всѣ усилія, принципъ материализма никогда не могъ совершенно открыто водвориться на сценѣ, ибо онъ идетъ въ разрѣзъ съ основными требованіями этого искусства. Собираясь въ большія собранія и въ большомъ числѣ, люди, въ такія минуты, скорѣе склонны повѣрить, что они нравственно лучше, чѣмъ есть на самомъ дѣлѣ, и скорѣе способны отозваться на добро. Какой-нибудь ораторъ въ парламентѣ вызываетъ горячіе аплодисменты, говоря о сдержанности фанатикамъ, взывая о свободѣ къ сторонникамъ авторитета; на представленіи пьесы Ожье, вы увидите самый развращенный нравственно людъ, со слезами на глазахъ аплодирующий поэту честности. Если-бы давали театральныя представленія каторжникамъ, то чтобы пьеса имъ могла понравиться, надо избрать самыя благородныя роли въ репертуарѣ: покажите имъ картину ихъ собственнаго положенія или апологию ихъ преступленій, они пойдутъ назадъ въ свою тюрьму. По тому лишь, что нашъ театръ устоялъ противъ прискорбныхъ доктринъ, которыя восторжествовали въ романтической литературѣ, люди, гоняющіеся за новизной, обвиняютъ его въ отсталости. Они упрекаютъ его тѣмъ, что онъ недостаточно проникался натуралистическимъ методомъ, обладающимъ истинными и плодотворными принципами. Они ставятъ романтизму въ преступленіе его увлеченіе самымъ искусствомъ, изобрѣтательностью и ловкостью въ немъ. Мораль и философія на сценѣ кажутся имъ утомительными и искусственными, какъ само театральное освѣщеніе, и низведенными до вопросовъ одной казуистики. Они сѣтуютъ на дѣйствіе въ драмѣ и на дѣйствующихъ лицъ за то, что они развиваются по пути, намѣчаемому ловкой рукою автора, а не обуславливаются тем-

ными предначертаніями судьбы. Ничто не можетъ умилостивить этихъ юныхъ реформаторовъ, даже игра лучшихъ артистовъ. Одинъ изъ нихъ утверждалъ, что нужно написать толстую книгу о народѣ, способномъ поддерживать государственное учрежденіе подъ такого рода названіемъ: народная консерваторія декламации. И они, даже они, черпаютъ аргументы изъ Дидро; этотъ страннѣйшій человѣкъ расшевелилъ сѣмена всѣхъ идей, которыя расцвѣтаютъ для насъ. Не онъ-ли говорилъ: «Если когда-нибудь гениальный писатель дерзнетъ дать своимъ дѣйствующимъ лицамъ простой языкъ древняго героизма, тогда искусство актера встрѣтитъ затрудненія совершенно иного характера, такъ какъ декламация перестанетъ быть своего рода пѣніемъ».—И такъ, читатели-натуралисты г. Золя или читатели-мистики русскаго романа—все это литературное племя рѣже и рѣже заглядываетъ въ театръ, потому что театръ не даетъ имъ того впечатлѣнія жизни, какое они чувствуютъ въ себѣ, не даетъ образа окружающаго міра въ томъ видѣ, какъ они его понимаютъ.

Ихъ справедливо укоряютъ тѣмъ, что сѣтованія столь общаго характера теряютъ свою силу; совершенно основательныя, когда они обращены къ угасающему роду драматической поэзіи, который вѣкогда назывался трагедіей, позднѣе драмой и мелодрамой, эти нападки кажутся весьма мало основательными, если обращаются съ ними къ родамъ драматической поэзіи, болѣе стойко защищаемымъ, напримѣръ, къ комедіи нравовъ и интриги; совершенно неосновательны онѣ по отношенію къ веселой области драматическаго искусства—водевилю, фарсу, имбродію, къ тѣмъ произведеніямъ, гдѣ находятъ-же еще такіе благодѣтели челоуѣчества, которые, чтобы заставить бѣдный людъ забыть про его заботы, возбуждаютъ въ нихъ веселый смѣхъ. Имъ, этимъ недовольнымъ, указываютъ, что нашъ театръ былъ въ теченіи 40 лѣтъ самымъ жизненнымъ отдѣломъ нашей литературы, въ которомъ творческій гений французскаго народа предъ цѣлымъ образованнымъ міромъ выказалъ во всемъ блескѣ свою силу, остроту, изящество и умъ. Но они упорствуютъ въ своей несправедливости, или вѣрнѣе,—въ своей неблагодарности. Ребенокъ не только несправедливъ, когда чувствуетъ и предъявляетъ свои права на жизнь, какъ ему вздумается,—онъ еще и неблагодаренъ. Эта «молодежь» утомляется тѣмъ, что для насъ служило развлеченіемъ, потому что оно не есть произведеніе ихъ ума и расходится съ ихъ стремленіями. Вѣчное требованіе ребенка, который вступаетъ

въ міръ, словно въ завоеванный городъ, съ требованіемъ подать ему его игрушку и желаніемъ разбить чужія. Найдите же и дайте имъ игрушку, которой имъ такъ хочется. Мы стоимъ на палубѣ судна, которое переплываетъ линію въ тотъ моментъ, когда появляются звѣзды чужого неба. Сторожевой увидѣлъ ихъ и объявляетъ объ этомъ, но никто его не слушаетъ. Корабль плыветъ дальше; тѣ, кто знаетъ небо и привыкли наблюдать его, узнаютъ, наконецъ, южныя созвѣздія. Обнаруживаются разнообразныя чувства. Молодые люди очарованы и восхищены красотой южнаго неба; они полны предположеній и радужныхъ надеждъ, стремятся нетерпѣливо поскорѣе прибыть на мѣсто, въ новую страну, неизвѣстность которой возбуждаетъ ихъ любопытство; старики грустны и задумчивы, они съ сожалѣніемъ говорятъ послѣднее прости знакомымъ небесамъ, имѣющимъ для нихъ незамѣнимую прелесть, потому что они освѣщали ихъ молодость и былия радости; они уже ничего не ждутъ подъ другимъ небосклономъ, и потому онъ кажется имъ мрачнымъ. Большая-же часть пассажировъ остаются совершенно равнодушны; многіе даже не замѣчаютъ, перемѣнилось-ли что-либо надъ ихъ головами, а другіе и совсѣмъ не поднимаютъ головы, занятые обычными дѣлами: обѣдаютъ, играютъ, спятъ. Послѣднія знакомыя звѣздочки исчезаютъ; мало-по-малу всѣ смотрятъ, изучаютъ и привыкаютъ къ странному виду новаго горизонта. Между тѣмъ, корабль все подвигается впередъ, хотя и незамѣтно его безпрестаннаго движенія; южныя звѣзды горятъ на небосклонѣ; имъ и дѣла нѣтъ до людскихъ радостей или печалей: онѣ продолжаютъ свой путь, безучастныя, неизмѣнно подчиненныя таинственному закону, разсѣявшему ихъ въ пространство и управляющему ихъ восхожденіемъ и закатомъ.

IV.

Русскія книги пришли къ намъ, въ данную минуту, по вкусу; поэтому можно ожидать, что и на русскій театр, въ скоромъ времени, явится спросъ. Съ нѣкоторыхъ поръ, отъ русскихъ ожидаютъ всего, во всѣхъ областяхъ мысли, часто даже болѣе, чѣмъ они въ состояніи дать. Драма Толстого открыла въ этомъ смыслѣ дорогу, и я уже слышалъ о проектируемой постановкѣ «Грозы» Островскаго. Но «Власть тьмы» — вещь совершенно отличная отъ обыкновеннаго русскаго репертуара, точно такъ-же, какъ и отъ на-

шего. Это оригинальный опытъ, единственный въ своемъ родѣ, какъ и самъ геній Толстого. Успѣхъ этой пьесы былъ неожиданностью даже для его соотечественниковъ. Будетъ-ли имѣть драма успѣхъ и у другой не подготовленной публики? Можно-ли риснуть поставить пьесу на одной изъ нашихъ большихъ сценъ? Это все вопросы, надъ рѣшеніемъ которыхъ теперь ломаютъ голову: я не берусь на нихъ отвѣчать. Первая попытка была удачна; поставленная во второй разъ, на сценѣ Theatre Libre, за плату, драма имѣла такой-же успѣхъ. Также точно принята она и въ Брюсселѣ, гдѣ въ данное время играетъ ее г. Antoine. Почему-же не попробовать одному изъ директоровъ парижскихъ театровъ сдѣлать то-же самое? Рискъ, во всякомъ случаѣ, небольшой: обстановка самая простая. Но если ужъ дѣлать опытъ съ бѣльшимъ разчетомъ на успѣхъ, то по-моему для этого необходимо: замѣнить тяжелую сцену убійства ребенка—превосходнымъ варіантомъ ея и основательно пересмотрѣть мѣстныя выраженія.

Прибавлю еще, рискуя навлечь на себя самыя ожесточенныя нападки особенно рьяныхъ поклонниковъ Толстого, что я-бы съ удовольствіемъ увидалъ нѣсколько «святоотечественныхъ» посягательствъ на цѣлость текста. Пустяки, въ сущности: какая-нибудь одна-другая фраза, измѣнить, на примѣръ, тѣ десять строчекъ, которыя относятся къ роду занятій дяди Акима. Въ будущемъ году все это можно будетъ опять возстановить. Когда предстоитъ борьба съ предрасудками, нечего идти напроломъ: нельзя въ одномъ и томъ-же предметѣ создать себѣ объектъ обожанія и объектъ пропаганды. Извѣстно-ли этимъ господамъ, что мелочное поклоненіе созданьямъ иностранныхъ писателей показываетъ, что своя родная литература находится въ нездоровомъ состояніи. Вспомнимъ блестящія эпохи, на примѣръ, XVII-й вѣкъ, который много заимствовалъ изъ итальянскаго и испанскаго театровъ, но усваивалъ этотъ матеріалъ безъ рабскаго подражанія, съ цѣлью извлечь изъ него для себя живые образы творческой фантазіи. Съ тѣхъ поръ, процессы ассимиляціи становятся все болѣе и болѣе робки. А требованія критики становятся все мелочнѣе и мелочнѣе, обратно пропорціонально усиливающейся дряблости нашего организма. Руководствуясь современными взглядами на ассимиляцію, можно составить прекрасныя коллекціи для музея, но не оживить ими родника чистой поэзіи народа.

Если-бы «Власть тьмы» не удалось поставить на какой-либо сценѣ, или-же она-бы потерпѣла фіаско,—это собственно не говорило-бы ни

за, ни противъ достоинствъ пьесы. Драма Толстого могла бы потонуть въ огромной массѣ парижскихъ развлеченій, тѣмъ болѣе, что по существу она и не претендуетъ на то, чтобы явить изъ себя памятникъ чистаго искусства, а лишь благоразумно охранять интересы обширнаго дѣла, отъ котораго живутъ тысячи народа. Какъ въ крупные магазины, толпа стекается въ театръ, ища тамъ знаковыхъ образцовъ. Черезъ каждыя 25—30 лѣтъ, толпа мѣняетъ свое воспитаніе: оно медленно пересоздается маленькой группой предприимчивыхъ умовъ, которыхъ, при первомъ появленіи, толпа встрѣчаетъ шиканьемъ и свистками. Иногда эта-же толпа способна поразить васъ своей чуткостью и силой воли. Посмотрите, какъ она быстро вошла во вкусъ въ произведеніяхъ музыки, даже наиболѣе трудныхъ для пониманія. Чаще всего, противодѣйствіе идетъ не отъ толпы, но отъ тѣхъ, кто даетъ ей направленіе и не хочетъ измѣнить его. Еслибы драмѣ Толстого не удалось обезоружить критики, поклонники его могутъ утѣшиться яркими примѣрами изъ прошлаго. 26 февраля 1830 года у г. Viennet или у Baour-Lomian сурово осуждались безобразія, разыгравшіяся наканунѣ въ «Theatre français», и ту маленькую группу изступленныхъ, которая имъ аплодировала; тамъ разсуждали совершенно въ томъ-же родѣ, какъ на представленіи драмы Толстого въ «Théâtre Libre». Они могутъ снова прочесть разсказъ г. Larroumet о странствованіи произведеній Шекспира во Франціи въ теченіи 150 лѣтъ, о долгомъ періодѣ колебаній и постепеннаго прогресса — вплоть до нашихъ дней, когда мы наконецъ приняли его цѣликомъ. Они нѣсколько пріободряются, когда въ сужденіяхъ о Толстомъ найдутъ слово въ слово повтореніе ругательствъ Вольтера по адресу стараго Вильяма: «Жаль, что въ сочиненіяхъ Шекспира встрѣчается еще болѣе варварства, чѣмъ гениальности». Я-бы хотѣлъ привести цѣликомъ его письмо къ D'Argental'ю: «Достаточно-ли вы находите въ себѣ ненависти къ этому непристойному дураку (Touneur'у, переводчику Шекспира) и въ состояніи-ли вы терпѣть оскорбленія, которыя онъ наноситъ Франціи? Невозможно выдумать достаточно поношеній, ослиныхъ колпаковъ и позорнаго столба для подобнаго бездѣльника... Ужаснѣе всего то, что чудовище имѣетъ свою партію во Франціи!» Всѣ эти нападки вполне подходятъ къ теперешнему положенію вещей: не достааетъ только упрека въ пристрастіи ко всему русскому, какъ тогда упрекали въ пристрастіи ко всему англійскому.

Повторяю еще разъ: вспоминая нѣсколько случаевъ рутиннаго

противодѣйствія, которымъ встрѣчены были новыя произведенія, я вовсе не хочу сказать этимъ, что «Власть Тьмы» — одно изъ тѣхъ созданій генія, которыя способны восхищать весь міръ. Поставлюсь резюмировать здѣсь свое мнѣніе во избѣжаніе кривотолковъ. Я отношусь къ ней съ тѣмъ добрымъ расположеніемъ, съ какимъ всегда разбираюсь читателямъ книги русскихъ авторовъ. Когда девять лѣтъ тому назадъ, въ первый разъ на страницахъ «Revue», заговорили о «Войнѣ и мирѣ», когда къ этому же произведенію журналъ возвратился четыре года тому назадъ, по случаю выхода перваго изданія его перевода во Франціи, я не колеблясь высказалъ восхищеніе мое къ этому геніальному произведенію и смѣло назвалъ его такъ. Я продолжаю думать, что если нашъ вѣкъ произвелъ и другія столь-же прекрасныя книги, то въ числѣ ихъ ни одной не найдется выше этого романа. «Власть Тьмы» требуетъ бѣльшей сдержанности въ оцѣнѣхъ. Печать генія лежитъ и на ней. Тотъ, кого Богъ одарилъ ею, вноситъ яркій свѣтъ ея во всѣ свои произведенія; но такъ какъ умъ его утратилъ уже равновѣсіе прежнихъ лѣтъ, такъ какъ онъ систематическимъ образомъ принимается за новый родъ литературы, къ которой у него нѣтъ достаточной подготовки, то его драма представляетъ скорѣе любопытную попытку, чѣмъ законченное произведеніе. Приспособленіе драмы къ весьма исключительнымъ потребностямъ, особенный языкъ, составляющій скорѣе знаки для понятій, но не стиль, громадное напряженіе руководящей идеи и однообразіе, которое отъ этого происходитъ, все это, вмѣстѣ взятое, препятствуетъ произведенію стать на ту высоту искусства, когда оно бываетъ понятно людямъ всѣхъ положеній и всѣхъ временъ. Не слѣдовало тѣмъ не менѣе обвинять автора въ банальности и въ вульгарномъ реализмѣ, чего онъ положительно не заслуживаетъ.

Мысль, занимающая этого апостола изъ Тулы, мысль смутная, странная, подчасъ очень наивная; но она всегда своеобразна, сильна и возвышенна. То-же можно сказать о формахъ, въ которыя она воплощается. Намъ интересно изучить, въ это переходное время, и ту, и другую, не для того, какъ желали-бы нѣкоторые черезчуръ восторженные поклонники, чтобъ рабски подражать ему въ очеркахъ, отличающихся странностью и грубостью, при отсутствіи искренности; не для того также, чтобы заимствовать у этого инициатора какое-нибудь новое откровеніе относительно театральнаго дѣла, — сами мы могли бы научить русскихъ тонкостямъ этого искусства: намъ необходимо изучить и мысль, и форму Толстого,

чтобы вдохнуть молодую жизнь въ исжитыя формы нашей драмы, чтобы внести въ нихъ естественность и, въ особенности, чтобы влить въ эти старыя, но все-таки превосходныя мѣха, немного новаго вина, чтобы установить тутъ болѣе прочно наши философскія и нравственныя стремленія, — однимъ словомъ, все то, что создало изъ театра, начиная съ незапамятныхъ временъ, самое благородное искусство, наиболѣе ярко обрисовывающее жизнь, наводящее на размышленіе и укрѣпляющее душу.

Даже еслибы намъ не пришлось еще разъ увидѣть «Власть Тьмы» на сценѣ, то появленіе ея останется ободряющимъ и освѣжающимъ воспоминаніемъ во многихъ отношеніяхъ. Въ то время, какъ въ публикѣ, въ памятный вечеръ, переходило изъ устъ въ уста имя графа Толстого, извѣстнаго еще такъ недавно, а мы упорно уклонялись отъ чуждой мысли, которая какъ-бы заслоняла насъ, я мысленно перенесся въ тѣ мѣста, гдѣ зародилась она, подъ тѣнь уединенныхъ березъ Ясной Поляны. Я прослѣдилъ за ея полетомъ, черезъ столько препятствій и такое огромное пространство, до того момента, когда она воплотилась теперь предъ нами въ живыхъ образахъ. Я восхищался нашимъ вѣкомъ, истинно человѣческой эпохой, потому что она открыла постоянное общеніе между народами; а изъ земного шара создала разумное цѣлое, кипящее умственной жизнью, всегда готовое воспринять и усвоить каждую частную, единичную мысль, чтобы переработать ее въ идею общечеловѣческую. Я восхищался нашей родиной, собирательнымъ, лучезарнымъ фокусомъ этой идеи; такъ недавно еще на насъ указывали, какъ на народъ, полный ненависти, вѣчный источникъ раздора. Осматриваясь вокругъ себя, я вижу лишь свободу мысли, силу воли, умственное великодушіе, стремленіе учиться, понять и восхищаться. Съ такой внутренней силой, не смотря ни на что, мы все еще составляемъ, такъ сказать, «власть», если слово это означаетъ что-нибудь, и, во всякомъ случаѣ, ни теперь, ни въ будущемъ, никогда не будемъ «Властью Тьмы»¹⁾.

2334

Перев. Е. Б.

¹⁾ Евгений Вогюэ, авторъ книги о русскихъ романистахъ, часть которой переведена и на русскій языкъ, считается однимъ изъ немногихъ во Франціи знатоковъ русской литературы и жизни. Критическій этюдъ его о драмѣ гр. Л. Н. Толстого «Власть Тьмы», каковы-бы ни были его безотносительныя достоинства, представляетъ интересъ для русскихъ читателей, какъ мнѣніе мно-

НОВЫЯ КНИГИ.

Энеида Вергилія, переводъ *А. Фета*, съ введеніемъ, объясненіями и провѣркою текста *Д. И. Нагуевскаго*, ординарнаго профессора императорскаго Казанскаго университета. Двѣ части. Москва. 1888.

Русское общество и русская литература должны быть благодарны г. Фету. Перевести, въ теченіе какихъ-нибудь пяти лѣтъ, шесть лучшихъ римскихъ поэтовъ и перевести чрезвычайно точно и размѣромъ подлинника—работа трудная и требующая отъ переводчика, кромѣ таланта, еще и добросовѣстнаго изученія автора и любви къ нему.

Въ настоящей замѣткѣ мы имѣемъ въ виду только послѣдній его трудъ—переводъ Вергиліевой Энеиды, относительно котораго и позволяемъ себѣ высказать нѣсколько замѣчаній.

Переводовъ ея на русскій языкъ существуетъ нѣсколько, но почти всѣ они неполны. Изъ полныхъ—не принимая, разумѣется, во вниманіе переводовъ «подстрочныхъ»,—назовемъ: *В. Петрова* (Спб. 1781—86 г. риемованными стихами), *И. Шершневича* (Варшава. 1868, гекзаметромъ), бывшій до сихъ поръ лучшимъ изъ нихъ и печатавшійся сперва въ «Современникѣ» начала 50-хъ годовъ, и затѣмъ *И. Соснецкаго* (М. 1872, амфибрахіемъ). Состояніе здоровья не позволило г. Фету окончить свой трудъ одному, и переводъ половины шестой книги, седьмой, восьмой и десятой (всѣхъ трехъ цѣликомъ) принадлежитъ перу *Всев. С. Соловьева*.

Чтобы дать читателямъ понятіе о достоинствѣ перевода г. Фета, приведемъ, на сколько позволяетъ намъ краткость нашей замѣтки, нѣсколько отрывковъ изъ лучшихъ мѣстъ первой части поэмы Вергилія—въ стихотворномъ переложеніи г. Фета и прозаическомъ переводѣ.

302 1

страица о русскомъ литературномъ произведеніи, возбуждавшемъ и въ нашей журналистикѣ самыя разнорѣчивыя сужденія. Статья г. Вогюэ печатается безъ всякихъ измѣненій, хотя со многими положеніями его русскому читателю трудно согласиться; но всякаго рода искаженіе текста ея лишило-бы самую статью того значенія, которымъ и обусловливается интересъ ея для русской публики. Мы позволили себѣ лишь исключить мѣтвіе г. Вогюэ объ Островскомъ,—мѣтвіе болѣе чѣмъ несостоятельное, и двѣ—три строки, заключающія въ себѣ совершенно неумѣстную выходку по отношенію къ гр. Л. Н. Толстому,—тѣмъ болѣе излишнюю, что она не имѣетъ никакой связи съ достоинствами или недостатками его драмы.

Ред.